

Баки помнил. Он до странного отчётливо помнил отдельные части того страшного дня. Как чужая сталь входит в собственную руку, как в застывшее на холоде масло. Как Броку, яростно отбивающемуся от троих, четвёртый гэл сносит голову нечеловеческим ударом топора. Как кровь брусничными струями хлещет из обрубка шеи, пока тело ещё не упало в месиво под ногами, куда приземлилась голова; как его собственный обрубок раскидывает драгоценные брызги. Как ужас и боль становятся такими нестерпимыми, что его толкает в темноту. Он помнил. И не хотел забывать день, когда он умер.

— Он погиб как воин, сражаясь плечом к плечу со мной, — ответил Баки ровно, замечая краем взгляда, как Джек выпятил тяжёлую челюсть, после чего коротко кивнул. Он знал, что Джек с Броком были лучшими друзьями, но в тот поход отец Джека не отпустил. Сказал, что тот нужен ему в замке. Баки не хотел знать о том, что Джек чувствует сейчас. С него и собственного дерьма хватит.

Они улеглись на наломанный еловый лапник, раскинув на него лёгкие шерстяные одеяла и укрывшись сборной частью килтов. Летние ночи оставались свежими и опасными в диком лесу. За спинами догорал костёр, в кустах шуршала волчица. Баки, чувствуя спиной широкую спину Джека, коротко посвистел ей в темноту, сгущавшуюся за кругом огня.

Хмага послушно вышла на свет и, следуя кивку головы, легла у Баки в ногах. Повозилась, тяжело вздохнула и затихла. Джек за спиной лежал каменным изваянием, даже почти не дышал.

Словно всё похоже — и всё не так. Он спит не со Стивом под одной шкурой, и Хьялги больше нет, и Брока нет тоже. А они двое — тут. Живые. И Хмага живая. Закрывая глаза, Баки подумал, что как бы ни было больно, быть живым — значит иметь ещё один шанс.

А значит, он не оставит попыток в этой непонятной игре.

Сколько бы они ни задавали друг другу вопросов, был лишь один, что интересовал его по-настоящему. И на него у Джека ответа не было.

После двух утомительных дней пути они выехали из леса ранним утром и оказались словно в преддверии зелени — куда ни глянь, перед взором Баки расстилались холмы. И зелень на них была особенная — не ярко-изумрудная, какую он видел на лугах Дал-Риады, а густая, тёмно-зелёная. Точно такого же цвета, какого были килты на их бёдрах. Цвет клана Баарнсов. То тут, то там на холмах встречались островки тернолиста. Его срубали для растопки очагов и печей, но тот, неубиваемый, всегда вырастал по-новой. Зелень холмов и острота жизнелюбивого терна, вот что было на всех гербах и щитах Баарнсов. Баки потянул носом воздух — тут словно и пахло по-другому. Знакомо до тоскливой боли в груди.

Так сложно возвращаться, когда знал, что никогда не вернёшься.

Баки выпрямился в седле и приложил к глазам ладонь, пытаясь выглядеть что-то вдалеке против лучей восходящего солнца. Может быть, отряд, что вёз Стива на растерзание его

родне? Но нет, ничто не нарушало утреннего покоя холмов.

Баки знал, что стоит им перевалить через пару холмов, как вдалеке покажется небольшой, но суровый и крепкий замок. Это были их земли — его отца и в будущем его брата. Детей его брата. Сердце сладко и больно сжималось в груди, когда он оглядывал этот простор и вдыхал воздух, раздувая ноздри.

— Вереск зацвёл, — задумчиво сказал Джек, тоже вдыхая полной грудью. Даже Хмага, застывшая чуть поодаль, с любопытством морщила нос. — Лугнасад скоро.

Баки кивнул и... вдруг с силой дал пятками коню в бока. Тот сорвался с вершины холма и понёсся вперёд, взрывая копытами мягкую землю с сочной травой. Хмага радостно припустила следом. Ветер ласкал лицо и размётывал волосы, и Баки не удержал улыбку от забытого ощущения полёта. Кажется, он успел расслышать, как Джек довольно хмыкнул позади.

Да, он торопился. Теперь, когда они так близко, он не мог себе позволить медлить ни одного лишнего удара сердца. Не под своды родного замка, не в объятия оплакавшей его матери, не в комнату слёгшего в болезни отца, чтобы выслушать его последнюю волю.

Он хотел увидеть Стива.

И убить ту ведьму, что разрушила их маленький хрупкий мир на двоих.

<http://erolate.com/book/3459/83662>